

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2013 г.

Б. В. Варнеке

СТАРЫЕ ФИЛОЛОГИ

*Вступительная статья, подготовка текста, публикация и
комментарии И.В. Тункиной*

РУССКОЕ И НЕМЕЦКОЕ АНТИКОВЕДЕНИЕ РУБЕЖА XIX–XX вв.
ГЛАЗАМИ Б.В. ВАРНЕКЕ¹

Мемуары филолога-классика, латиниста, историка античного и русского театра Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944) охватывают период с середины 1880-х годов вплоть до лета 1914 г. Автор описывает впечатления от прослушанных лекций и семинаров в Петербургском историко-филологическом институте, университетах России, Германии и Австро-Венгрии, приводит характеристики своих учителей и коллег. Б.В. Варнеке затрагивает вопросы аттестации научных кадров в дореволюционных университетах и сравнивает системы преподавания классических дисциплин в Германии и России, причем не в пользу немецкого антиковедения.

Ключевые слова: антиковедение рубежа XIX–XX вв., историография, Б.В. Варнеке, Петербургский историко-филологический институт, университеты России, Германии, Австро-Венгрии.

История отечественной науки, включая все субдисциплины антиковедения, сегодня переживает «антропологический поворот», знаменуемый взрывом интереса к личности главного творца науки – человека, ее создающего². Одним из основных источников для историко-научных реконструкций биографий ученых являются документы личного происхождения, прежде всего воспоминания и переписка, содержащие индивидуальные, субъективные взгляды автора на происходящее и окружающих его людей. К этому жанру относятся впервые публикуемые мемуары об учителях и коллегах по научному цеху «Старые филологи» латиниста, историка античного и русского театра Бориса Васильевича

Тункина Ирина Владимировна – доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН).

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, и РГНФ, проект № 12-01-00008а.

² Подробнее см. Тункина 2010.

Варнеке (1874–1944)³, которые охватывают период с середины 1880-х годов вплоть до лета 1914 г. Эти воспоминания дополняют IV выпуск альманаха «Древний мир и мы», ровно наполовину посвященный виднейшему петербургскому антиковеду Фаддею Францевичу Зелинскому (1859–1944)⁴. Ф.Ф. Зелинский – самый крупный представитель культурно-исторического направления в русском антиковедении рубежа веков, учитель Б.В. Варнеке по Петербургскому историко-филологическому институту, затем его старший коллега по Петербургскому университету. И автобиография Ф.Ф. Зелинского, недавно опубликованная в русском переводе⁵, и воспоминания его ученика Б.В. Варнеке повествуют практически об одном времени – конце XIX и самом начале XX столетия, когда поступательное развитие и России в целом, и ее науки было насильственно прервано Первой мировой войной и двумя революциями 1917 г.

В 1922 г. Ф.Ф. Зелинский, поляк по рождению, под предлогом заграничной командировки окончательно перебрался из полувымершего от голода и болезней Петрограда в Варшаву, где еще в 1920 г. стал профессором университета, и в конце концов принял польское подданство. На летних каникулах 1924 г. 65-летний ученый гостил у сына Феликса в Шондорфе в Германии, где продиктовал по-немецки своей дочери Веронике обширную «интеллектуальную» автобиографию «Mein Lebenslauf», которую затем собственноручно исправил и авторизовал. Безусловно, Ф.Ф. Зелинский обдумывал и тщательно взвешивал каждое слово, сознательно создавая каноническую версию собственной жизни, которая явно предназначалась для прочтения не только потомками, но и духовными учениками.

Мемуары 60-летнего Б.В. Варнеке также рассчитаны на постороннего читателя, но они созданы десять лет спустя, в 1934 г., в Одессе, в условиях тоталитарной несвободы. Эти воспоминания сразу писались сознательно, что называется, «в стол», без надежды скорой публикации на родине. В послереволюционные годы Варнеке тяжело переживал отрыв от привычной русской научной и культурной среды из-за насильственной украинизации всех сторон жизни и полного разгрома университетского антиковедения в Одессе. Десятилетия ученый был лишен возможности заниматься своей прямой специальностью – классической филологией. 14 ноября 1925 г. Б.В. Варнеке писал академику Ф.И. Успенскому: «Вы спрашиваете, как мне живется? Как может жить теперь классик, предмет которого упразднен на всем пространстве Украины. Приходится “промышлять” разными отхожими промыслами. Но самое грустное и тяжелое – это невозможность печатать, а работать для пополнения конторки – нет охоты и смысла»⁶. После ликвидации в 1930 г. созданного на обломках Новороссийского университета Одесского института народного образования Б.В. Варнеке не допускали к чтению лекций вплоть до конца 1932 г. Только в 1936 г. он возглавил кафедру истории мировой литературы Одесского пединститута и одновременно стал читать курс римской литературы в воссозданном Одесском университете.

Как и вся гуманитарная интеллигенция той эпохи, Б.В. Варнеке жил с оглядкой на возможный арест и просмотр его бумаг посторонними лицами, поэтому между

---

³ См. о нем: Алексеев 1924; РПБС. 1, 390–391 (А.В. Лавров); Писатели... 1992. 1, 64–65; Тункина 1996; 1998; Немченко 2005; Никитюк 2005; Бузескул 2008, 7, 8, 259–260, 274, 286, 294, 346, 435, 438, 440, 446, 527–528; Снегина 2008; Рейтблат 2009; Тункина, Избаш-Гюцкан 2009; Тункина 2011; Левченко 2011.

⁴ Древний мир и мы. Вып. IV. СПб., 2012. С. 11–220.

⁵ Зелинский 2012, 46–197.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59. Л. 8об.

1926 и 1934 гг. переправил целую серию своих воспоминаний об ученых, писателях, журналистах – «Старые филологи», «Материалы для биографии Н.П. Кондакова» и «Литературные встречи» – в Ленинград коллегам-филологам различных специальностей: В.Ф. Шишмареву, В.Н. Бенешевичу и своему ученику М.П. Алексееву, а театральные мемуары – в Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина в Москве.

«На седьмом десятке лет» профессор Б.В. Варнеке попытался создать опыт научной автобиографии: воскресить основные этапы своего развития и становления как филолога-классика и историка античного театра. Автор представляет себя как человека в науке, который год от года развивался умственно, духовно, с удовольствием обучаясь и жадно узнавая новое на протяжении всей жизни, перенимая лучшее у своих учителей и коллег как в России, так и за рубежом. Но, как писал сам Варнеке, «недаром Гете подметил привычку судьбы не давать деревьям расти до неба»⁷. Недавняя публикация биографического очерка об ученом⁸ позволяет отказаться от подробного пересказа его нелегкой жизни, трагически оборвавшейся через десятилетие после создания этих мемуаров из-за обвинений в коллаборационизме. Напомню лишь ее основные вехи в соответствии со структурой публикуемых воспоминаний.

Первая глава посвящена периоду детства, отрочества и юности Б.В. Варнеке в Москве (1874–1894). Незаконнорожденный сын актрисы, росший при матери за театральными кулисами, он с 8-летнего возраста выступал как детский статист на подмостках московской оперетты. Мальчик начал учебу во 2-й Московской прогимназии у А.Н. Шварца, который сумел заинтересовать его латинским языком. По внешним обстоятельствам обучение было прервано в 1887 г., но несмотря на это Варнеке упорно занимался самообразованием и самостоятельно приступил к изучению древнегреческого. За кулисами театра он познакомился с академиком Ф.Е. Коршем, который стал для него наставником и устроил молодого человека в старшие классы 1-й Московской гимназии. Вынужденный искать заработок, Варнеке как корреспондент «Московского листка» стал посещать заседания Московского археологического общества и других научно-художественных объединений, где слушал доклады А.Н. Шварца и И.В. Цветаева. Увлечение античным искусством заставило его часами просиживать в библиотеке Российского исторического музея. Спустя годы автор пытается понять истоки своего интереса к классицизму, неумное стремление «кухаркина сына» к чтению, расширению собственного кругозора, получению гимназического, а затем высшего образования по древним языкам.

Вторая глава посвящена пребыванию Б.В. Варнеке в Петербурге (1894–1904), т.е. годам студенчества и началу профессиональной деятельности. Здесь главное внимание уделено блистательной и очень тонкой психологической характеристике учителей и старших коллег. Автор обрисовывает круг своего общения, приоткрывая для читателя кастово-замкнутую и достаточно закрытую для посторонних профессорско-преподавательскую среду Петербурга и Москвы. В северной столице возникли новые «опоры и мосты» духовных и профессиональных связей Варнеке, сохраненные им впоследствии. Среди подробно выписанных портретов и беглых набросков, яркими мазками нарисованных Б.В. Варнеке, – русские фи-

⁷ Архив Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 17. Л. 71.

⁸ Тункина 2011.

дологи и историки разных поколений: Ф.Ф. Соколов, И.И. Холодняк, П.В. Никитин, И.В. Помяловский, В.В. Латышев, Л.А. Мюллер, Н.Н. Томасов, О.А. Шебор, Н.К. Гельвих, Ф.Ф. Зелинский, Н.М. Крашенинников, А.В. Никитский, Н.И. Новосадский, В.К. Эрнштедт, С.А. Жебелёв, М.И. Ростовцев, Г.Ф. Церетели, И.М. Гревс, П.П. Митрофанов, А.И. Соболевский, М.М. Покровский, В.И. Модестов, Ю.А. Кулаковский и др., а также геолог А.А. Иностранцев, философ А.И. Введенский, всеобщие историки П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Д.К. Петров, литературоведы И.Н. Жданов, В.В. Кудряшев, В.В. Сиповский и др.

Б.В. Варнеке высоко оценивает методику преподавания древних языков в Петербургском историко-филологическом институте, где он обучался (1894–1898) и при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию (1898–1901) под руководством профессора Ф.Ф. Зелинского. Сразу после окончания ПИФИ Варнеке как вольнослушатель восполнял пробелы в своем институтском образовании, посещая в Петербургском университете лекции по западноевропейской и русской литературе А.Н. Веселовского и И.Н. Жданова, по истории искусств – А.В. Прахова и А.Н. Щукарева, навещался в Эрмитаж к Г.Е. Кизерицкому для изучения античных подлинников, интенсивно занимался в Публичной библиотеке.

Блестящая подготовка и начитанность выпускника ПИФИ, живо интересовавшегося литературой и театром, свободное знание шести новых и древних языков сослужили ему хорошую службу как преподавателю в 5-й Петербургской гимназии (1899–1904) и в Николаевской гимназии в Царском Селе (1902–1904)⁹. Выдержав магистерские экзамены и прочтя две пробные лекции, с осени 1901 г. Б.В. Варнеке был допущен к преподавательской деятельности в качестве приват-доцента по кафедре римской словесности Петербургского университета: его университетские курсы и практические занятия были посвящены преимущественно толкованию Теренция, Марциала, Овидия и других римских поэтов¹⁰.

11 мая 1903 г. Б.В. Варнеке защитил в университете магистерскую диссертацию по истории древнеримского театра, а через два года в Московском университете уже в качестве исполняющего должность экстраординарного профессора Казанского университета (с 20 июля 1904 г.) – докторскую по истории древнеримской комедии (степень утверждена 28 февраля 1906 г., 20 марта того же года возведен в звание ординарного профессора)¹¹.

С годами, обзаведясь семьей, Б.В. Варнеке стремился уехать из Казани на юг. В письме к профессору Новороссийского университета Э.Р. фон Штерну от 19 ноября 1909 г. он объяснил необходимость такого шага: «Главнейшей причиной, заставляющей меня желать переезда на юг, является тяжелая и хроническая болезнь жены, которая, как уроженка Киева, не переносит климата Казани, а выздоровление которой наши врачи обуславливают с выездом из Казани»¹². Наконец, по представлению Э.Р. фон Штерна, благодаря положительным рекомендациям Ю.А. Кула-

---

⁹ См. фрагмент его неизданных воспоминаний «Литературные встречи» (1931) из архива ученика Б.В. Варнеке, акад. М.П. Алексева – воспоминания о директоре царскосельской гимназии И.Ф. Анненском, опубликованные с купюрами: Варнеке 1983.

¹⁰ ИР НБУВ (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Киев). V, 2236. Л. 1–2 (автобиография Б.В. Варнеке от 19 ноября 1909 г.); СПФ АРАН. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 (биография Б.В. Варнеке, написанная А.И. Малениным в январе 1922 г.).

¹¹ Варнеке 1903; 1905.

¹² ИР НБУВ. V, 2234. Л. 1–1об.

ковского и Ф.Ф. Зелинского, 6 февраля 1910 г. Советом историко-филологического факультета Новороссийского университета Б.В. Варнеке единогласно был избран ординарным профессором кафедры классической филологии и 26 апреля 1910 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» утвержден в этой должности. С тех пор он безвыездно жил в столице Новороссийского края – Одессе.

Б.В. Варнеке пишет о том, что творилось «за кулисами тогдашней петербургской высшей школы», демонстрируя сложные взаимоотношения представителей разных научных направлений и кланов, что позволяет историку науки реконструировать личные и научные связи внутри профессионального научного сообщества. Большинство его характеристик учителей, коллег и учеников – глубоко продуманные, психологически точно и талантливо нарисованные реалистические портреты ученых. Они – отражение личности самого мемуариста и психологии его собственного научного творчества. Автор с заинтересованностью освещает вопросы подготовки и аттестации научных и педагогических кадров в дореволюционных университетах и историко-филологических институтах¹³. Особый интерес для читателя представляет его субъективное восприятие атмосферы на публичных диспутах в столичном университете – защитах магистерских и докторских диссертаций, в частности, блестящей защите литературоведа И.Н. Жданова, и «проблемных» защитах антиковедческих работ М.Н. Крашенинникова и И.М. Гревса.

Показательно, что взгляды учителя и ученика – Ф.Ф. Зелинского и Б.В. Варнеке – на определенные события, характеристики конкретных лиц и оценки научных трудов коллег по научному цеху порой диаметрально противоположны. Ученик был моложе своего европейски знаменитого учителя на 15 лет и на многие вещи неизбежно смотрел другими глазами. Отдавая должное трудам Зелинского, написанным в молодости, Варнеке восхищался им как блестящим и непревзойденным лектором и популяризатором науки в эпоху падения общественного интереса к классицизму в начале XX в., считал его «человеком большого ума и широкой культуры». Тем не менее многие высказывания автора «Старых филологов» созвучны словам папиролога Г.Ф. Церетели, который в частных письмах коллегам метко называл Ф.Ф. Зелинского «импрессионистом науки»¹⁴. Парадокс состоит в том, что с возрастом Варнеке гораздо ближе оказались не Зелинский и его последователи, а «фактопоклонники» соколовской историко-филологической школы¹⁵, о которых он вспоминает с неизменной благодарностью, уважением, теплом, любовью и гордостью за то, что в жизни довелось с ними встретиться и многому у них научиться.

«Старые филологи» помогают увидеть в науке человека, который сам определяет свои взаимоотношения с коллегами, ведь всякая наука строится на взаимном доверии, где эмоциональное доверие неотделимо от собственно научного. Главным критерием для автора всегда оставались «нравственная чистоплотность» и

---

¹³ Той же теме посвящена обширная мемуарная записка академика С.А. Жебелёва «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем» (1935), опубликованная лишь в наши дни (Жебелёв 2002, 146–172).

¹⁴ Фихман 1995, 254, прим. 131; 255, прим. 139.

¹⁵ Мною изданы также его мемуары о двух других «фактопоклонниках» в науке – историке византийского искусства и археологе, академике Н.П. Кондакове (Варнеке 2002) и археологе, нумизмате, коллекционере, вице-президенте Одесского общества истории и древностей, военном инженере А.Л. Бертъе-Делагарде (Варнеке 2011). Полный перечень лишь частично изданных мемуаров Б.В. Варнеке о литературном и театральном мире см. Рейтблат 2009, 262, прим. 13.

этические качества личности, а также субъективная интеллектуальная честность ученого. Оглядываясь на труды своих академических коллег с позиции прожитых лет, Б.В. Варнеке фактически причислил учителя к стану своих научных оппонентов – он не мог простить большому ученому Ф.Ф. Зелинскому, одному из «князей» классической филологии, «недостойное» поведение на магистерской защите И.М. Гревса, ведь его учитель «имел полную возможность сохранить независимость», но «в угоду политике нарушил прямой долг перед наукой» и поддержал слабую, на взгляд Б.В. Варнеке, работу диссертанта. «Ясность взгляда» мемуариста, видимо, восходит к театральному детству, к приобретенному таланту понимания и умения отличить правду жизни от постановки, от театрального действия, которое не только далеко от действительности, но пытается создать совсем другую действительность и убедить всех, что это и есть правда. Давно известно, что чем больше артистов на сцене, тем больше публика верит в происходящее. Увидев изнутри постановочную торжественность журфиксов Ф.Ф. Зелинского, а также ложь и фальшь спектаклей, разыгрывавшихся на защитах диссертаций в университете, Варнеке поставил под сомнение «нравственную чистоплотность» учителя и стал терять личное доверие к нему, фактически обвинив того в «ходульной величавости», лицемерии и ханжестве. Это привело к постепенному разрыву тесных связей между ними. Следует также помнить, что в эпоху легализации политических партий и политические предпочтения интеллигенции кардинально различались – Зелинский был близок к либеральным кадетским кругам, Варнеке – к консервативным правым октябристам. В какой-то мере этим можно объяснить тот факт, что имя Б.В. Варнеке в автобиографии Ф.Ф. Зелинского не упомянуто ни разу.

Эмоциональное и научное доверие у Б.В. Варнеке со временем стало таять по отношению и к другим его учителям – И.И. Холоднюку, С.К. Буличу, коллегам по университету М.И. Ростовцеву, А.И. Малеину, И.М. Гревсу, собственному ученику Б.Л. Богаевскому (после Октябрьской революции последний стал ярким апологетом марксизма) и др. Личные письма Варнеке коллегам по научному цеху порой содержат весьма жесткие оценки творчества современников, в частности отдельных трудов М.И. Ростовцева, который был старше мемуариста всего на четыре года¹⁶.

Но история науки полностью подтверждает «принцип дополнительности» Нильса Бора, демонстрируя потомкам необходимость сосуществования различных способов и аспектов познания истины в науке, в данном случае оправдывая существование как ученых-позитивистов (по классификации В. Оствальда – «классиков»), так и «романтиков», много времени уделяющих пропаганде и популяризации своих взглядов. Эти разные типы ученых рассматривались современниками Б.В. Варнеке, да и сегодня нередко воспринимаются как альтернативы. Яркий пример этого являет собой жизнь М.И. Ростовцева, который в своих работах соединил анализ и синтез, используя лучшие стороны научной методологии двух учителей – «фактопоклонника» Н.П. Кондакова и «импрессиониста науки» Ф.Ф. Зелинского. Но каждый ученый в зависимости от психологического склада, каких-то внутренних или внешних обстоятельств в разные периоды жизни может неверно оценивать свое место в науке, тем более ошибаться в научной состоятельности коллег. Так, в приступе депрессии 74-летний М.И. Ростовцев дал трагическую самооценку собственного научного творчества в письме от 4 сен-

¹⁶ Тункина 1997, 118, прим. 105.

тября 1944 г. к американскому ученику Ч.Б. Уэллсу, в котором он видел своего преемника и продолжателя: «Всю жизнь я собирал и накапливал знания в своей области, пытаюсь сопоставить и объяснить факты. Эти усилия выливались в книги, которые я теперь считаю абсолютно неудачными, надуманными, слишком общими, написанными на основе плохо усвоенного и недостаточно хорошо изученного материала. Таков итог моей научной деятельности. *Десятилетиями меня считали выдающимся ученым, тогда как я был всего лишь шарлатаном* [курсив мой. – И.Т.]. К счастью, многие мои ученики, следуя моим советам относительно того, каковым должно быть научное творчество, не пошли по моим стопам»¹⁷. Однако история сама рано или поздно расставляет все по своим местам: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи». Самооценки (саморефлексия) исследователя как субъекта исторического процесса и оценки коллег – современников и далеких потомков – зачастую бывают диаметрально противоположны.

Живые зарисовки автора воспоминаний показывают русское антиковедение как извне, во взаимосвязи с другими историко-филологическими дисциплинами и с эволюцией русской культуры той эпохи, так и изнутри, исходя из собственных, внутренних факторов развития науки. В этой связи следует подчеркнуть, что Б.В. Варнеке являлся убежденным сторонником реализма XIX века и категорически не принимал как «новые модернистские веяния» в науке, так и всевозможные декадентские проявления в культуре «серебряного века». С целью разъяснения эстетических взглядов Б.В. Варнеке в подстрочных комментариях впервые публикуются отрывки из его неизданных воспоминаний «Литературные встречи» (1931) с зарисовками о журфиксе на квартире его учителя Ф.Ф. Зелинского, где он впервые столкнулся с К.Д. Бальмонтом, а также об университетском семинаре по Овидию, в котором участвовал А.А. Блок.

Третья глава «Старых филологов» освещает вакационные поездки Б.В. Варнеке из Казани (1904–1910) и Одессы (с 1910 г. вплоть до Первой мировой войны) в университеты и музеи Германии и Австрии для совершенствования образования. Именно Германия стала Меккой для русских филологов-классиков XIX – начала XX в., так как немецкая наука с петровских времен служила главным образцом для сложения и функционирования науки в Российской империи. Автор ярко рисует портреты немецких и австрийских антиковедов Фр. Лео, Эд. Шварца, К. Дильтея, Я. Вакернагеля (Геттинген), Ф. Студнички, Э. Бете и Г. Шрейбера (Лейпциг), О. Россбаха (Кенигсберг), Э. Рейша (Вена) и др. Как и предыдущие главы, текст заполнен размышлениями об уровне немецкоязычной науки по сравнению с русской, оценками качества прочитанных книг, надеждами и разочарованиями от встреч с коллегами. Впечатления Варнеке от прослушанных лекций и семинаров в университетских центрах дополнены сравнительным анализом системы преподавания классических дисциплин в Германии и России, причем сравнение оказывается не в пользу немецкого антиковедения. Вполне понятна гордость автора за качество классического образования, полученного им в родном Петербургском историко-филологическом институте.

Из текста публикуемых воспоминаний очевидны нежелание Б.В. Варнеке заниматься «переоценкой ценностей» в угоду политической конъюнктуры, протест против неуважения к достижениям и традициям антиковедения. В языкознании 1920-х – на-

¹⁷ Цит. по: Скифский роман 1997, 566.

чала 1930-х годов догматически насаждался марризм¹⁸, новая генерация ученых-«выдвиженцев» марксистского толка подвергала безудержной критике дореволюционную историко-филологическую науку. Автор открыто осуждает «модное подхалимство» перед марксизмом и прямой плагиат, когда, как писал он, «хороший тон заставляет жуликов, “героев нашего времени”, упорно замалчивать ученых дооктябрьской поры, а вот переписывать их страницами – это очень и очень даже можно».

Б.В. Варнеке прекрасно осознавал, что разделение по «национальным квартирам», утрата свободы передвижения и обмена научной информацией приводит к самоизоляции отечественного антиковедения, которая губительно отражается на его дальнейшем развитии. Стремление к сохранению профессионализма и преемственности в науке заставило Б.В. Варнеке, питомца сильнейшей в стране дореволюционной петербургской историко-филологической школы, способствовать переезду в Петроград в 1923 г. наиболее талантливого из его одесских учеников – И.М. Троцкого (с 1938 г. Тронского), ставшего крупным советским ученым-латинистом и историком античной литературы¹⁹.

Мемуары Б.В. Варнеке написаны блестящим русским литературным языком, каким умели писать классики нашей науки начала XX века, и читаются на одном дыхании. Благодаря многолетней практике журналиста автор кратко, но емко характеризует каждого своего героя. Он сумел перенести на бумагу интонацию речи, иронию собеседника, меткие и ехидно брошенные словечки, делающие его текст живым.

Б.В. Варнеке очень откровенен в оценке окружающих его людей, причем нередко его характеристики носят негативный характер не только в обобщениях, но и в описании деталей личной жизни. Для читателя может стать культурным шоком то, что не только многие видные русские и западноевропейские ученые, но и поэты «серебряного века» автором представлены без апологетики и традиционного хрестоматийного глянца. Его описание быта, нравов, поведения известных деятелей науки и культуры иногда выглядит чрезмерно откровенным и местами производит отталкивающее впечатление. Варнеке сам оговаривал, что «как и всякие воспоминания, и мои, наверно, не свободны и от пристрастий и увлечений, но не предназначая их для печати, я не подлаживался ни под чей вкус и ни на какую мерку, вводя в свое изложение и такие стороны быта, о которых говорить не принято, но без освещения которых многое останется неясным»²⁰. Невольно вязываясь в «диалоги ушедших», читатель становится свидетелем трагических коллизий во взаимоотношениях героев его воспоминаний и должен быть готов к неожиданным и порой горьким открытиям.

«Все, что происходит с нами, оставляет тот или иной след в нашей жизни. Все участвует в создании нас такими, какие мы есть», – этот афоризм Гете полностью справедлив при оценке публикуемых мемуаров. Психологическое неприятие Б.В. Варнеке ряда современников проще всего объяснить пристрастностью автора, отражением борьбы научных школ, банальной завистью к успешной научной карье-

---

¹⁸ Подробнее см. Алпатов 1991. Отношение Б.В. Варнеке к господству марризма в языкознании характеризует его письмо, написанное Эзоповым языком, ленинградскому ученику И.М. Тронскому (Троцкому) от 26 марта 1936 г. с благодарностью за присылку книги «Античные теории языка и стиля» (М.–Л., 1936): «Большое спасибо, дорогой друг, и Вам, и Софье Венедиктовне [Меликовой-Толстой. – *И.Т.*] за новую книгу. Очень сомневаюсь, чтобы Илион западной лингвистики был потрясен до основания этим оружием, но зато туземные Маррадики слегка смогут при желании через эти выборки выглянуть за забор своего Корана, а это на пользу делу. Ваш Б. Варнеке» (СПФ АРАН. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 283. Л. 1).

¹⁹ Тункина 2013, 568–569.

²⁰ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

ре или недостаточно тесным знакомством с объектом критики. Судить об объективности и достоверности приведенной им информации мы можем лишь по ряду косвенных источников. Принимать или нет субъективные оценки мемуариста – личное дело читателя, способного самостоятельно их скорректировать с позиций знаний о русской науке и культуре начала XXI века.

Воспоминания «Старые филологи» – часть сборника «Борис Васильевич Варнеке. Воспоминания об ученых», который готовится к печати автором настоящей статьи. Текст публикуется в соответствии с правилами издания исторических документов. Авторские сокращения раскрыты в угловых скобках, пропущенные слова, необходимые для понимания смысла, вставлены в квадратные скобки. Так как первая публикация осуществляется в академическом антиковедческом журнале, в комментариях опущены биографические справки о героях античной истории, мифологии, литературы, общеизвестных исторических событиях и деятелях нового времени, всемирно известных ученых – Т. Моммзене, Эд. Мейере, Г. Буассье, В.О. Ключевском и др. Не приводятся и отсылки к хрестоматийным героям русской и западноевропейской литературы.

Воспоминания Б.В. Варнеке переносят нас в мир дореволюционной гуманитарной науки эпохи расцвета отечественной историко-филологической школы в конце XIX – начале XX в., безусловного пика ее развития, недостижимого уровня, к которому она и по прошествии сотни лет едва ли в состоянии даже приблизиться²¹. В условиях многолетней дискуссии о критериях и качестве среднего и высшего образования это повод лишний раз задуматься о том, что потеряла Россия в 1917 г.

RUSSIAN AND GERMAN CLASSICAL SCHOLARSHIP AT THE TURN OF THE 20th CENTURY AS SEEN BY B.V. WARNEKE

I.V. Tunkina

The memoirs of Boris Vasilyevich Warneke (1874–1944), Classical Philologist, Latinist and Historian of Classical and Russian theatre, Professor of Kazan' University and of the Novorossian University in Odessa, cover the period from the middle of the 1880s till the summer of 1914. The author describes his difficult childhood, which he spent as a supernumerary playing roles of children on the stage of Moscow operetta theatre. Then he attended a gymnasium in Moscow and St. Petersburg Historical-Philological Institute, then taught at the Nicolas gymnasium at Tsarskoe Selo and at St. Petersburg and Kazan' universities. A whole chapter is devoted to his impressions of the lectures he heard and seminars he took part in at the universities in Germany and Austria-Hungary. The memoirs take the reader into the world of pre-revolutionary humanities in the flourishing period of Russian historical and philological school at the late 19th – early 20th centuries. The author describes his teachers, colleagues and friends, touches the problems of attestation of scholars at pre-revolutionary universities and compares the system of Classical education in Germany and Russia; in this matter Warneke supports the Russian system. Among the vivid scholars' portraits, drawn by Warneke, one can meet Russian Classicists of different generations: F.E. Korsch, A.N. Schwarz, I.V. Tsevetsev, F.F. Sokolov, P.V. Nikitin, I.V. Pomyalovsky, V.V. Latyshev, L. Müller, F.F. Zelinsky (T. Zieliński), N.M. Krasheninnikov, S.A. Zhebelev, M.I. Rostovtzeff, I.I. Kholodnyak, A.I. Sobolevsky and others, as well as German and Austrian Classicists Fr. Leo, Ed. Schwarz, K. Diltey (Göttingen), F. Studnitschka, E. Bethe and Schreiber (Leipzig), O. Rossbach (Königsberg), E. Reisch (Vienna) and others.

Keywords: classical studies, B.V. Warneke, Russian universities.

---

²¹ Оценку уровня развития русского антиковедения той эпохи см. Бузескул 2008; Фролов 1999 (2006); Gavrilov 1999; Жебелёв 2002; Басаргина 2004; Гаврилов 2011; Боровский 2009, 364–422.

СТАРЫЕ ФИЛОЛОГИ¹

На старости я сизнова живу.
Минувшее проходит предо мною –
Давно ль оно неслось?

Пимен у Пушкина²

На седьмом десятке³ самое подходящее занятие – подводить итоги уходящей жизни. Занимаясь этим и в бессонные ночи, и днем, греясь на солнце, постоянно прихожу к выводу, что должен считать себя очень счастливым человеком: не потому, чтобы судьба избавила от ударов и испытаний, – наоборот, я перенес их немало, – а потому, что мне выпало на долю великое и редкое счастье с ранних лет встречать много больших людей и многому у них поучиться. Закрепить их образы хотя бы на этих листочках – не только единственная доступная мне уплата великого долга моей бесконечной благодарности им, но и громадное удовольствие – ведь эдак я снова как бы встречаюсь с ними и переживаю радость общения с их тенями.

I. Москва

Я начал учиться в московской 2-й прогимназии на Якиманке. Через дней 10 после начала учения инспектора ее М.И. Студеникова⁴ мы тепло проводили: почтенный старец уходил после долгой службы на пенсию, к великому сожалению и учителей, и родителей, находивших в нем доброго и мудрого помощника и руководителя в обучении детей. На его место явился Александр Николаевич Шварц⁵. Профессор университета уже своей ученой славой подавлял наших скромных заурядных учителей.

¹ Публикуется по автографу Б.В. Варнеке, хранящемуся в СПФ АРАН: Ф. 896 (Шишмарев В.Ф.). Оп. 1. Д. 479. Л. 1–61об. Текст написан чернилами, с немногочисленной авторской правкой и вставками, на листах переплетенной общей тетради производства Одесской конвертно-переплетно-полиграфической фабрики «Укрполиграфтреста».

² Цитата из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). См. Пушкин 1964. 5, 231.

³ Судя по этой фразе, мемуары Б.В. Варнеке «Старые филологи» написаны около 1934 г. или позднее. Из текста следует, что они созданы не ранее 1932 г.

⁴ Студеников Михаил Иванович, статский советник (на 1876–1884), инспектор 2-й Московской прогимназии (до сентября 1884 г.)

⁵ Шварц Александр Николаевич (1848–1915), филолог-классик, переводчик; магистр (1875), доктор (1891) греческой словесности. Выпускник Историко-филологического факультета Московского университета (ИФФ МУ) (1868), учитель языков в Александровском военном училище (1868), Лазаревском институте восточных языков (ЛИВЯ) (1869–1874) и частной гимназии Креймана (1872–1884); инспектор 2-й Московской четырехклассной прогимназии (1884–1885), директор 1-й Московской прогимназии (1885–1887) и 5-й Московской гимназии (1887–1897). Доцент кафедры греческой словесности (1875–1885), секретарь ИФФ (1885–1887), экстраординарный профессор по кафедре теории и истории искусств (1884–1887), затем по кафедре классической филологии (1887–1890), ординарный профессор (1892–1900), заслуженный ординарный профессор (с 1900) ИФФ МУ. Директор Константиновского межевого института (1897–1900), попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905), Московского (1905) учебных округов; сенатор (1905), член Государственного совета (1907–1915), министр народного просвещения (1908–1910).

Стройный, всегда с иголки одетый, он своим ростом головы на полторы превышал их всех. На нас малышом действовал он подавляюще и своим звонким голосом, и стуком палки, опираться на которую заставляла его больная нога, и живописной сединой, поразительной при юношески блестящих глазах, и кипучей деятельностью: он непрерывно сидел на уроках, по переменам читал наши тетрадки, приучал нас к чистоплотности, глядя, как самая заботливая нянька, и на наши перепачканные чернилами пальцы, и на плохо обтертые башмаки, и на носовые платки.

Недели через две он уже знал каждого из нас насквозь и с железной настойчивостью стал выправлять наши недостатки, в свободные часы лучше всякого репетитора с одним занимаясь задачами, другого подгоняя по диктанту. Хворавших учителей он всегда заменял сам, и как мы ни были малы, мы сейчас же почувствовали, насколько лучше умеет он вести урок и растолковывать самые мудреные вещи, чем все остальные учителя. Удивляло нас и его умение браться за все предметы – от Закона Божия до рисования. В нашем классе он взял себе латынь, и это определило всю мою дальнейшую судьбу: Шварц умел заинтересовать малышом такой чушью, как второе склонение прилагательных; и переводы наивных фраз из хрестоматии меня увлекли до того, что дома я сам переводил в тетрадку все пропущенные параграфы.

Очень скоро я стал первым латинистом класса и, при очень слабых успехах по всем остальным предметам, перешел во второй с пятеркой по латыни. Но не прошло и двух недель с начала нового учебного года, и Шварца перевели в 1-ю шестиклассную (у нас было только четыре) прогимназию директором, а к нам назначили историка приват-доцента Виктора Михайловича Михайловского⁶. По урокам Шварца я очень тосковал, да и вся наша прогимназия как-то посерела, опустилась, словно из мундира кто передел ее в засаленный халат.

Но тосковать мне пришлось недолго. Начал действовать знаменитый Деляновский циркуляр о кухаркиных детях⁷. Среди другого «вредного элемента, заражающего действующего на нежные нравы детей добрых семейств», был изъят и я, и на много лет двери школьного святилища наглухо замкнулись передо мной. Пришлось опять за 40 коп. в вечер носить шлейф Прекрасной Елены и изображать восьмого чертенка в «Орфее в аду»⁸. Но шварцевские уроки не прошли даром: у букинистов покупал я учебники следующих классов, от хрестоматии Ходобая⁹ перешел

---

⁶ Михайловский Виктор Михайлович (1846–1904), историк-медиевист, специалист по истории Реформации, египтолог, этнограф, педагог. Выпускник ИФФ университета Св. Владимира в Киеве (УСВ) (1870), с 1874 г. преподаватель и директор 10-й, затем 2-й Московских гимназий, приват-доцент кафедры всеобщей истории ИФФ МУ, читал лекции по истории Востока, истории землеведения, этнологии и педагогики.

⁷ Циркуляр от 18 июня 1887 г. (так называемый циркуляр о «кухаркиных детях»), введенный при министре народного просвещения И.Д. Делянове, ограничивал прием детей недворянского происхождения в гимназии и другие средние учебные заведения.

⁸ Варнеке имеет в виду свою службу начиная с 7-летнего возраста в качестве фигуранта (статиста) в опереточной труппе антрепренера М.В. Лентовского, арендовавшего помещение в саду «Эрмитаж», и театральные постановки, в которых он участвовал, – «Прекрасная Елена» и «Орфей в аду» Ж. Оффенбаха. В театр Лентовского мальчика устроил его крестный отец, актер М.П. Садовский.

⁹ Ходобай Юрий Юрьевич (ум. не ранее 1888), филолог-классик, педагог. Уроженец Австро-Венгрии (Угорская Русь), получил высшее образование, в качестве славянского стипендиата приглашен Министерством народного просвещения (МНП) в Россию, сдал экзамен по русскому языку и получил право преподавания в русских гимназиях (1868), преподаватель классических языков в 3-й гимназии на Лубянке (с 1869) и в Лицее памяти цесаревича Николая (Катковском) в Москве. Автор неоднократно переиздававшихся русских переработок немецких пособий, словарей и хрестоматий по латинской грамматике.

к Корнелию Непоту и «Запискам» Цезаря, с грехом пополам одолел начало греческой грамоты по книжкам Эмилия Черного¹⁰ и застрял на баснях Федра. Перевести первый стих – *Ad rivum eundem lupus et agnus venerant*¹¹ – было дело пустое, но одолеть хитрости скандирования я своим умом никак не мог и не одну неделю бился над приложением правил на этот счет грамматики Элендта¹²–Зейферта¹³ к живым стихам, но выходила такая какофония, что я прекрасно чувствовал всю тщетность своих усилий.

Был у нас в труппе баритон, щеголявший своим университетским дипломом. Набравшись смелости, сунулся я было к нему, но был жестоко изруган и отослан по адресу, направлявшему в сторону, не лишнюю приятности, но от латинского стихосложения весьма далекую.

И вот однажды, во время второго акта «Птичек певчих»¹⁴, сижу я на куче свернутых декораций и под тусклый свет газового рожка выстукиваю безнадежно роковые сеныры по замусоленным страничкам желтого тейбнеровского текста, и вдруг слышу слегка картавящий вопрос: «Как это сюда под небо к Оффенбаху попал старичок Федр?»

За мной стоял Федор Евгеньевич Корш¹⁵.

---

¹⁰ Черный Эмилий Вячеславович (ум. не ранее 1902), филолог-классик, педагог. Уроженец Австро-Венгрии, в качестве славянского стипендиата приглашен МНП в Россию, сдал экзамен по русскому языку и получил право преподавания в русских гимназиях (1868), выпускник Русской филологической семинарии в Лейпциге (Гаврилов 2011, 21), преподаватель греческого языка в 3-й Московской классической гимназии. Составитель целого ряда учебных гимназических пособий по древнегреческому языку.

¹¹ «К ручью однажды волк с ягненком враз пришли» (*Phaedr.* I. 1. 1; пер. Н.И. Шатерникова).

¹² Элендт (Ellendt) Фридрих Теодор (1786–1855), немецкий филолог-классик, педагог, выпускник и преподаватель гимназии в Кёнигсберге (Altstädtischen Gymnasium), директор гимназии в Эйслебене (с 1835). См. Eckstein 2005, 116.

¹³ Зейферт (Seuffert) Моритц Людвиг (1809–1872), немецкий филолог-классик, педагог. Выпускник университета в Галле (1830), преподавал в различных учебных заведениях, в частности, в Педагогуме в Галле, впоследствии (1846–1871) профессор Иохимстальской гимназии в Берлине. См. Eckstein 2005, 443. Учебник латинской грамматики Элендта в обработке Зейферта (Ellendt-Seufferts Lateinische Grammatik) выдержал десятки переизданий (см., например, Ellendt 1855; 1878).

¹⁴ Другое название оперетты Ж. Оффенбаха (1819–1880) «Перикола» (1868).

¹⁵ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), лингвист-полиглот, специалист по классическому, славянскому, сравнительному языкознанию и восточным языкам, переводчик, теоретик стихосложения, исследователь музыкальной ритмики, пушкинист; магистр (1868), доктор (1877) римской словесности; член-корреспондент по разряду классической филологии и археологии (1893), ординарный академик по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) (1900) Императорской Петербургской Академии наук (ПАН). Уроженец Москвы, сын журналиста и издателя Е.Ф. Корша, племянник В.Ф. Корша. Учился на ИФФ МУ (1860–1865), оставлен П.М. Леонтьевым для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии, совершенствовал образование в университетах Германии, Австро-Венгрии и Италии (1868–1870). Доцент (1870–1877), экстраординарный (1877–1882), ординарный и заслуженный ординарный (1882–1890, 1892–1901) профессор ИФФ МУ по кафедрам греческой (1870–1872) и римской (1872–1890, 1892–1901) словесности, ординарный профессор по кафедре классической филологии ИФФ Новороссийского университета в Одессе (НУ) (1890–1892), профессор персидской словесности ЛИВЯ (1892–1915), председатель Комиссии по изданию сочинений А.С. Пушкина (1899–1914) ПАН. См. Дмитриев 1962; Богданов 1982; Баскаков, Баскаков 1989.

Этого профессора мы в оперетке знали великолепно как частого и всем всегда желанного гостя наших достаточно людных кулис. Наш режиссер Григорий Александрович Арбенин¹⁶, сын писателя-петрашевца Пальма¹⁷, с детских лет был товарищем Корша и широко использовал для нужд театра его разносторонние таланты. Арбенин переводил легко все новые оперетки, но стиха не умел скроить даже самого корявого, и вот тут ему приходил на помощь поразительный версификаторский дар Корша, за один присест на любом клочке бумажки сочинявшего нашим комикам остроумнейшие злободневные куплеты. Наши примадонны, начиная с жены Арбенина, П.М. Волынской¹⁸, спотыкались на высокие ноты партитуры, и блестящий музыкант Корш легко транспонировал Штрауса¹⁹ и Одрана²⁰ им «под голос». И все это делалось легко, за милую душу, без малейшей тени важничанья. Понятно, как за это все его любили и как им дорожили в театре, но что же его тянуло сюда?

Позже мне не раз приходилось от Ф.Е. слышать, что он подобен царю Соломону своим женолюбием, заставившим его многое в жизни и претерпеть, но зато испытать и много радостей. И вот это-то свойство и влекло его к нам, где на этот счет пожива была самая обильная, но тут опять нужна оговорка. Среди поклонников наших Булотт и Перикол были и жгучие красавцы, от которых Ф.Е. был очень далек, и многомиллионные тузы банковской и заводской Москвы, с которыми ему, отдававшему весь свой скудный доход грозной и зоркой супруге²¹, тягаться было невозможно, да он и не пытался, все свои подношения своим Дульцинеям ограничивая неизменно скромнейшей коробкой с финиками ценой в 30 копеек. В чем секрет его успеха? а успех был громадный: на моих глазах прошло по крайней мере десять его весьма существенных романов, и везде этого 50-летнего, очень помятого жизнью старика в порыжелом дешевеньком сюртучишке, искали и великие примадонны, и сверкавшие свежей красотой своего пышного тела юные хористки, во все ручьи проливавшие горячие слезы, когда его ласки направлялись на другую Ависалу²². Этого не понимал ни я, ни другие свидетели его Венериных триумфов.

---

¹⁶ Пальм (псевд. Арбенин) Григорий Александрович (1858–?), театральный режиссер, переводчик пьес, актер, сын поэта и драматурга А.И. Пальма, редактор издававшегося в Батуме «Черноморского вестника». Как актер играл любовников в комедиях и оперетках.

¹⁷ Пальм Александр Иванович (1822–1885), прозаик, драматург, поэт, актер. С 1878 г. жил в Петербурге, выступал как актер на профессиональной сцене.

¹⁸ Волынская П.М. (ум. 1913), актриса, жена Г.А. Арбенина (Пальма), в 1880-е годы примадонна театра оперетты – «Нового театра» М. Лентовского в Москве.

¹⁹ Штраус Иоганн (1825–1899), австрийский композитор, скрипач, дирижер, автор 16 оперетт. В год прихода Варнеке в труппу М. Лентовского его театр первым в России поставил оперетту И. Штрауса «Летучая мышь».

²⁰ Одран (Audran) Эдмон (1840–1901), французский композитор, автор оперетт «Великий могол» (1877), «Маскотта» (1880), «Кукла» (1896) и др.

²¹ Корш (урожд. Кудряшева) Евдокия (Авдотья) Самойловна, жена Ф.Е. Корша (с 1879 г.), простая, неграмотная девушка, работавшая прислугой в доме его отца. После женитьбы, встретившей неодобрение родственников, Корш вынужден был покинуть родительский дом, в 1890 г. переехал в Одессу, где был назначен ординарным профессором кафедры классической филологии ИФФ НУ.

²² Ависага, или Ависала Сунамитянка, в Ветхом Завете (III Цар. I. 15) красивая девушка, избранная слугами Давида для прислуживания ему в старости. Она согревала своими объятиями холодеющее тело дряхлого Давида. В последующей традиции – символ агонирующей души, ищущей и не находящей своего Бога.

Через много лет я узнал тайну. Как-то поздно ночью у Додона²³ в кабинете засиделась компания александринских актеров²⁴, среди них была одна прославленная артистка²⁵, в молодости начинавшая в Москве у родственника Ф.Ев., антрепренера Корша²⁶. Зашла речь про его смешную скупость, и я упомянул, как не похож он на своего великого родственника, тогда уже академика Федора Евгеньевича. Услышав, что я его знаю и знаю коротко, эта особа утянула меня на укромный диванчик в нишу кабинета и стала расспрашивать про Ф.Ев.

И бордо, и ликеров за ужином было выпито вдоволь, и это развязало язык знаменитости. Вспоминая свое прошлое, она говорила: «Не буду скромничать. Больше ста мужчин побывало в моих объятиях, от студентиков до великих князей, но такого мужчины, как Фед. Евг., я не встречала. Все остальные в сравнении с ним – это так, деревенская кляча в сравнении с европейским экспрессом, и женщина, не испытывавшая его ласки, не знает, что такое сладострастие».

Я не буду здесь подробно говорить о Корше. После его смерти я издал о нем целую книжечку²⁷. Места мне было отведено много, но я очень сдерживал поток своих воспоминаний, чтобы не выйти из рамок профессорского некролога и не задеть его почитателей, и не дать пищи злоречию его завистников, им же несть числа. Его корили, что он разменялся по мелочам и ничего «не создал». Но, во-первых, его в десять дней на моих глазах написанная речь о римских элегиках²⁸ – единственная достойная перечитывания русская работа по римской литературе, а родившаяся из ночного спора по поводу фельетона Буренина²⁹ громадная книга о «Русалке»³⁰ положила основу нашему научному пушкиноведению, но если бы он даже и этого не написал, его надо бы ценить как создателя такой школы, какую украшают клас-

---

²³ «Додон» (старый и новый) – два фешенебельных ресторана в Петербурге начала XX в.

²⁴ Имеются в виду актеры драматического Имп. Александринского театра в Петербурге.

²⁵ На нижнем поле страницы помета карандашом: «М.А. Потоцкая». Скорее всего имеется в виду Мария Александровна Потоцкая (1861–1940), артистка Театра Ф.А. Корша (1889–1892), Имп. Александринского театра в Петербурге, Ленинградского театра драмы им. А.С. Пушкина.

²⁶ Корш Федор Адамович (1852–1923), антрепренер, драматург-переводчик, двоюродный брат акад. Ф.Е. Корша. Выпускник гимназических классов ЛИВЯ (1870) и Юридического факультета (ЮФ) МУ (1874), адвокат, присяжный поверенный, помощник председателя, председатель одного из округов Московской судебной палаты. Основатель (1882) и директор (1882–1917) Русского драматического театра (Театра Корша) в Москве. В 1917 г. продал театр и уехал на Кавказ. Последние годы жизни провел в Голицыне под Москвой. См. РПБС. 3, 96 (*Е.М. Гушанская*).

²⁷ Варнеке 1915.

²⁸ Корш 1899. Перепеч. в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1899 г.

²⁹ Буренин Виктор Петрович (1841–1926), литературный и театральный критик, поэт, журналист, имя которого стало символом реакционной прессы и бесчестных методов полемики. Печатался с 1861 г. в демократических изданиях, сотрудничал в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (1865–1875) и «Новое время» (с 1876), журнале «Отечественные записки» (до 1872) и др. Автор сатирических стихов, пародий, памфлетов, воспоминаний и т.п. См. РПБС. 1, 365–367 (*М.П. Лепехин, А.И. Рейтблат*).

³⁰ Корш 1898–1899; 1903.

сики А.Н. Шварц и Михаил Михайлович Покровский³¹, и славист Шахматов³², и восточники Крымский³³ и Гордлевский³⁴.

В тот вечер Ф.Е. в пять минут научил меня скандировать Федра, а затем при каждой встрече то экзаменовал, то поправлял мои латинские упражнения, и за кулисами оперетки я урывками брал у него уроки и по Овидию, и по Вергилию, прочитав сплошь все песни «Энеиды», и Буколики, и Георгики; минуя Саллюстия, я под его указку засел за Цицерона.

Но Корш был силен не только в царстве оперетки. Он настаивал на необходимости оформить мои занятия, и вот, поговоривши по душе с директором 1-й гим-

---

³¹ Покровский Михаил Михайлович (1868/1869–1942), филолог-классик, историк античной, западноевропейской и русской литературы, специалист в области сравнительного языкознания и литературоведения; магистр сравнительного языкознания (1896), доктор римской словесности (1899); член-корреспондент ПАН (1917), действительный член АН СССР (1929). Выпускник ИФФ МУ (1891), оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии, одновременно посещал семинар П.Г. Виноградова по «Афинской политике» Аристотеля. Приват-доцент (1894–1899), экстраординарный (1899–1901), ординарный (1901–1922) профессор кафедры римской словесности ИФФ МУ–I МГУ, профессор Высших женских курсов (ВЖК) (1900–1904, 1910–1919). В последние годы жизни заведующий кафедрой классической филологии МИФЛИ (1935–1940), возглавлял сектор античных литератур ИМЛИ им. М. Горького АН СССР (1940–1942). Умер в эвакуации в Казани.

³² Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), лингвист, филолог, текстолог, историк древнейших славянских литератур и языков, историк культуры, организатор науки, общественно-политический деятель; доктор русского языка и словесности МУ (1893, минуя степень магистра); адъюнкт (1894), экстраординарный (1897), ординарный (1899) академик, член Правления (с 1898), председательствующий в ОРЯС (1906–1920) ПАН. Выпускник (1887), приват-доцент ИФФ МУ (1890–1891). В декабре 1894 г. переехал в Петербург и до конца своих дней был связан с ПАН, директор I Отделения Библиотеки Академии наук (БАН) (с 1899). Ординарный профессор (с 1908, с 1910 сверх штата) кафедры русского языка и словесности ИФФ Петербургского университета (ПУ).

³³ Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), востоковед-арабист, иранист, тюрколог, славист, прозаик, поэт, переводчик, один из основоположников востоковедения на Украине. Выпускник Коллегии Павла Галагана в Киеве, специальных классов ЛИВЯ (1892) и ИФФ МУ (1896). Преподаватель (1898–1900), профессор (1900–1918) кафедры арабского языка и истории мусульманского Востока ЛИВЯ. В 1918 г. переехал в Киев, профессор арабской словесности и истории мусульманского Востока КГУ (1918–1941). Один из организаторов, действительный член (1918), неперемный секретарь (1918–1928), глава историко-филологического отделения (1918–1929) Всеукраинской Академии наук (ВУАН), в конце 1920-х годов смещен со всех постов и уволен из академии. Обвинен в национализме, подвергся арестам (1930, 1941) и ссылке в Казахстан, скончался в больничной тюрьме в Кустанае. Реабилитирован в 1957 г. См. Гурницкий 1980.

³⁴ Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956), востоковед-тюрколог, профессор (1925), доктор литературоведения (1934); член-корреспондент (1929), академик (1946) АН СССР. Выпускник ЛИВЯ (1899) и ИФФ МУ (1904), преподаватель турецкого языка в ЛИВЯ (1907–1918), профессор Московского института востоковедения (1918–1948), заведующий Восточным отделом Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ГБЛ) (1919–1933), преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе (1921–1931), старший научный сотрудник, заведующий сектором языка и литературы стран Ближнего и Среднего Востока ИВ АН СССР (1938–1956).

назии И.О. Гобза³⁵, достиг легко того, что меня приняли в ее старший класс, хотя я понятия не имел ни об алгебре, ни о геометрии, ни о Луке Жидяте и Остромировом Евангелии³⁶. Большевикам нет оснований гордиться введением в русский алфавит всесильной буквы «З»³⁷, и бригадный способ учебы тоже не их выдумка. В классе я поставлял на своих соседей *extemporale*³⁸, а они за меня решали все задачи. Директор Гобза нажал на трепетавших перед ним «человеков в футляре»³⁹, и я получил аттестат зрелости, ни разу не вызванный к устному ответу ни по математике, ни по физике, а что я нес на устном экзамене зрелости по этим наукам, не способна описать даже «кисть Айвазовского»⁴⁰.

Переодевание из опереточного трико в гимназическую куртку лишало меня тех 40 копеек, на которые я жил «на заре туманной юности», но тут опять нашлись добрые люди. Актер М.П. Садовский⁴¹ сделал меня корреспондентом «Московского листка»⁴², и пришлось ходить по заседаниям ученых обществ для составления отчетов о них. В Археологическом обществе⁴³ я услышал блестящий доклад

---

³⁵ Гобза Иосиф Освальдович (1848–1927), филолог-классик, педагог. По происхождению чех, кандидат ИФФ ПУ, директор Смоленской гимназии (1875–1887), директор 1-й Московской гимназии (с 1887) и автор исторического очерка ее 100-летия (Гобза 1903), директор 11-й Московской гимназии (с 1907). Автор гимназических брошюр и статей по классической филологии.

³⁶ Древнейший памятник старославянской письменности Остромирово евангелие (1056–1057) названо по имени новгородского воеводы и посадника Остромира, для которого был сделан список с болгарского оригинала дьяконом Григорием в эпоху новгородского епископа Луки Жидяты. Пергаменная рукопись написана кириллицей и иллюминирована миниатюрами (хранится в РНБ).

³⁷ Имеется в виду реформа русской орфографии, подготовленная ПАН (1904–1912) и введенная декретами Совета народных комиссаров 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г. о введении нового упрощенного правописания, которое употребляется и в настоящее время. Так, изменялось правило написания приставок на *з/с*: теперь все они (кроме собственно *с-*) кончались на *с* перед любой глухой согласной и на *з* перед звонкими согласными и перед гласными.

³⁸ Упражнения, состоящие в переводе продиктованного текста на греческий или латинский язык (*латин.*).

³⁹ Нарицательное обозначение людей, боявшихся всяких новшеств и решительных мер, таких же, как учитель Беликов в рассказе А.П. Чехова «Человек в футляре» (1898).

⁴⁰ Крылатый штамп в русской журналистике, вошедший в обиход после постановки пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» (1897). Выражение восходит к словам А.С. Пушкина (1830), но с заменой имени художника. Слова Телегина в 4-м действии пьесы о «сюжете, достойном кисти Айвазовского», вошло в русскую речь именно в чеховской редакции и употребляется в ироническом смысле.

⁴¹ Садовский Михаил Провович (1847–1910), крестный отец Б.В. Варнеке, представитель актерской династии, актер Малого театра в Москве (с 1870 г.), непревзойденный исполнитель ролей в пьесах А.Н. Островского – крестного отца М.П. Садовского. Переводчик пьес Расина, Бомарше, Гольдони, Гоцци и др., автор очерков и рассказов из жизни московского мещанского и купеческого захолустья. Преподавал в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества и на драматических курсах Московского театрального училища.

⁴² «Московский листок» – московская ежедневная политико-литературная газета, издававшаяся Н.И. Пастуховым в 1881–1917 гг., где Б.В. Варнеке по протекции М.П. Садовского подрабатывал театральным репортером и рецензентом, «кормясь мелочами газетной хроники» (Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

⁴³ Имеется в виду Императорское Московское археологическое общество (МАО), созданное гр. А.С. Уваровым в 1864 г. (закрыто в 1923 г.) с целью археологического изучения территории России. По инициативе МАО раз в три года проводились Всероссийские археологические съезды (1869–1911).

своего первого учителя А.Н. Шварца о Парутинской вазе⁴⁴ и И.В. Цветаева⁴⁵ – сперва о Н.М. Благовещенском⁴⁶ по случаю его юбилея, а затем о танагрских терракотах⁴⁷. Эти великолепные доклады, особенно Цветаева, простые, ясные, содержательные, так увлекли меня, что я решил приложить свою латынь к изучению античного искусства, стал читать литературу по этой части, засел за те самые главы Плиния об искусстве, перевод которых, тогда еще начатый, издал уже после Октябрьской революции⁴⁸. Пасха в 1894 г. прошла среди подготовки к испытанию зрелости и сидения в Историческом музее на первом съезде художников, где Цветаев делал свой доклад о затевавшемся им музее⁴⁹. Это еще больше распяло мое желание заняться древним искусством, и я собирался, получив аттестат зрелости, в Москве учиться главным образом у Цветаева.

Наконец аттестат зрелости с грехом (по части математики) пополам был у меня в руках. И Корш, подготовив все в канцелярии университета для моего беспрепятственного вступления, уехал на дачу. Весь июнь я провел, наслаждаясь отдыхом после тяжких экзаменов, но в свободные часы ходил в Исторический музей, где из библиотеки К.К. Гёрца⁵⁰ читал вчасос книги по античному искусству, пользуясь

---

⁴⁴ Шварц 1891; 1894.

⁴⁵ Цветаев Иван Владимирович (1847–1913), филолог-классик, искусствовед, эпиграфист; магистр (1873), доктор (1877) римской словесности; действительный член МАО (1878) и Русского археологического общества (РАО) (1883), действительный член Академии художеств (1903); член-корреспондент ПАН (1904). Выпускник классического отделения ИФФ ПУ (1870), преподаватель греческого языка в 3-й петербургской гимназии (1871–1872); исполняющий должность доцента кафедры римской словесности Варшавского университета (ВУ) (1872–1873). Доцент римской словесности УСВ (1876–1877); доцент (1877–1879), экстраординарный (1879–1885), ординарный (1885–1889) профессор кафедры римской словесности, заведующий кафедрой истории и теории изящных искусств (1889–1913), заслуженный ординарный профессор (1898–1913), хранитель Кабинета изящных искусств и древностей (1882–1883) МУ, профессор ВЖК и Московской консерватории (1907–1909); заведующий кабинетом гравюр, хранитель отделения изящных искусств и древностей (1882–1889), директор (1900–1910) Московского публичного и Румянцевского музея, основатель и первый директор (1911–1913) Музея изящных искусств имп. Александра III при МУ (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина, открыт в 1912). См. Каган 1987.

⁴⁶ Благовещенский Николай Михайлович (1821–1892), филолог-классик, специалист по римской литературе, популяризатор античности; магистр (1847), доктор (1851) философии и древней филологии. Выпускник Петербургского главного педагогического института (ПГПИ) (1841), адъюнкт (1845–1851), экстраординарный профессор (1851–1852) кафедры римской словесности Казанского университета (КазУ), профессор ПГПИ (1852), экстраординарный (1852–1859), ординарный (1859), заслуженный ординарный (до 1873) профессор кафедры римской словесности ИФФ ПУ. Ректор ВУ (1873–1883). Член Совета министра и Ученого комитета МНП (1861–1872).

⁴⁷ Цветаев 1892; 1895.

⁴⁸ Варнеке 1918.

⁴⁹ Речь идет о Музее изящных искусств при Московском университете (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина). И.В. Цветаев в апреле 1894 г. выступил на первом Всероссийском съезде художников в Москве с призывом к пожертвованиям на создание первого в России музея классического искусства. См. Цветаев 1894.

⁵⁰ Гёрц (Goerts) Карл Карлович (1820–1883), историк искусства, археолог, публицист, беллетрист; магистр (1870), доктор (1873) истории искусств; член-основатель и действительный член МАО (1864). Учился в Московской практической академии коммерческих наук (1835–1839) и на философском факультете МУ (1840–1844). Доцент (1857–1863, 1870–1873), приват-доцент (1863–1870), экстраординарный (1873–1881), ординарный

добрыми указаниями библиотекарей А.И. Станкевича⁵¹ и особенно скромнейшего А.П. Новицкого⁵², которому через 40 лет предстояло украситься званием украинского академика.

Вдруг все пошло насадку. Моя ближайшая подруга должна была бросить драматическую труппу Корша и переселиться в Петербург. Разлука была нам обоим слишком тяжка, а поступать в Петербургский университет было немислимо: на что бы я существовал в чужом городе, где ни душа меня не знала? Жить на ее средства не позволяла юношеская гордость. И возвращаясь на рассвете от нее после обильных взаимных слез через Каменный мост, я не раз помышлял, не развязать ли этот ужасный узел прыжком через перила. От этого меня уберегла оставшаяся до старости привычка ничего не делать сразу, под первым впечатлением. Уже в первых числах июля особенно горькие слезы продержали меня до полдня, и по дороге домой ливень заставил меня спрятаться под Кремлевскими воротами. Там пережидал его учитель 1-й гимназии В.О. Эйнгорн⁵³. Он, видно, заметил меня на

(1881–1882), заслуженный ординарный профессор (1882) археологии и истории искусства МУ, заведующий Археолого-нумизматическим кабинетом МУ, хранитель Отделения изящных искусств и древностей (1862) Румянцевского музея. Секретарь (1864–1872), товарищ председателя (1872–1883) МАО и редактор его трудов. См. Малеин 1912.

⁵¹ Станкевич Алексей Иванович (1856–1922), историк, библиограф, переводчик; член-корреспондент (1890), действительный член (1891) и библиотекар (1891–1893) МАО, член ряда других научных обществ. Выпускник ИФФ МУ (1888), служил в Московском главном архиве МИД (1883–1887): чиновник сверх штата, заведующий читальным залом, делопроизводитель; фактический организатор (наряду с А.С. Уваровым и И.Е. Забелиным) и руководитель библиотеки в должности старшего библиотекаря (1887–1914) Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве, впоследствии научный сотрудник РИМ (1919–1922). Переводчик сочинений писателей-иностранцев о России, издатель произведений дяди – Н.В. Станкевича.

⁵² Новицкий Алексей Петрович (1862–1934), библиограф, историк искусства, музейвед, академик ВУАН (1922); член-корреспондент (1904), действительный член (1906) МАО и ряда других научных обществ. Выпускник математического факультета МУ (1887), помощник библиотекаря (1889–1898) и член Совета (с 1909) РИМ, библиотекар в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1898–1918), сотрудник архитектурного отдела Политехнического музея. В 1918–1922 гг. жил в Крыму, заведующий Феодосийской фундаментальной библиотекой (1918–1922) и Феодосийского краеведческого музея (1922), ассистент кафедры теории и истории искусств Таврического (Крымского) университета (1919–1922), преподаватель русской истории Феодосийского института народного образования (1922). В июне 1922 г. переехал в Киев: член управы, и.о. неперменного секретаря, секретарь I отделения ВУАН, возглавил Софийскую комиссию (1923–1933), секцию, кафедру и кабинет украинского искусства ВУАН. Реорганизовал и возглавил Всеукраинский археологический комитет (1924–1933), управлял Музеем украинских деятелей науки и искусства и Украинским театральным музеем.

⁵³ Эйнгорн Виталий Осипович (1862–1947), историк, педагог, архивист, специалист по истории Украины и истории просвещения в России XVII–XVIII вв. Выпускник разряда истории и географии ПИФИ (1884), учитель истории, географии и латинского языка в Нижегородском дворянском институте имп. Александра I (1884–1889), учитель истории 1-й Московской гимназии (1889–1911), директор 2-й Нижегородской гимназии (с 1911). С 1925 г. старший архивист Московского архива революции и внешней политики, работал в РГБ (1932–1944), в последние годы был начальником общего архива библиотеки; профессор, доктор исторических наук. См. СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 792. Л. 16 (заполненная им анкета комиссии «Наука и научные работники в СССР» от 15 мая 1928 г.).

экзаменах и стал расхваливать Петербургский филологический институт, где сам учился и где нищую молодежь держали на полном казенном иждивении.

Узел был развязан. По непророшим лужам летел я домой, а оттуда с наспех составленным прошением и бумагами – на Почтамт. Через три недели получен был благоприятный ответ, и 28 августа⁵⁴ я поехал в Петербург.

Литература

1. *Алексеев М.П.* 1924: Проф. Б.В. Варнеке (К 35-летию его литературной и научной деятельности) // Силуэты (Одесса). 5 (43), 3 декабря, 6–7.
2. *Алтатов В.М.* 1991: История одного мифа: Марр и марризм. М.
3. *Басаргина Е.Ю.* 2004: Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916 гг.). СПб.
4. *Баскаков Н.А., Баскаков Ник.А.* 1989: Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. М.
5. *Богданов А.И.* 1982: Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад.
6. *Боровский Я.М.* 2009: Opera philologica / Изд. подг. А.К. Гаврилов, В.В. Зельченко, Т.В. Шабурина. СПб.
7. *Бузескул В.П.* 2008: Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступит. ст., подг. текста и биограф. словарь-указатель И.В. Тункиной. М.
8. *Варнеке Б.В.* 1903: Очерки из истории древнеримского театра. СПб. (ЗИФФПУ. 69).
9. *Варнеке Б.В.* 1905: Наблюдения над древнеримской комедией: к истории типов. Казань (УЗКазУ. 9, 1–176; 10, 177–320).
10. *Варнеке Б.В.* 1918: Плиний об искусстве. Одесса.
11. *Варнеке Б.В.* 1983: И.Ф. Анненский // *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1981. Л., 71–76 (текст), 126–132 (комментарии).
12. *Варнеке Б.В.* 2002: Материалы для биографии Н.П. Кондакова / Публ. И.В. Тункиной // Диаспора. Новые материалы. Вып. IV. Париж–Санкт-Петербург, 72–152.
13. *Варнеке Б.В.* 2011: А.Л. Бертье-Делагард / Подг. текста и комм. И.В. Тункиной // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. 1 / М.Д. Бухарин (ред.). М., 467–493.
14. *Гаврилов А.К.* 2011: О филологах и филологии. Статьи и выступления разных лет. СПб.
15. *Гурницкий К.И.* 1980: А.Ю. Крымский. М.
16. *Дмитриев Н.К.* 1962: Федор Евгеньевич Корш. М.
17. *Жебелёв С.А.* 2002: Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва / Предисл., публ. и прим. И.В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 142–194.
18. *Зелинский Ф.Ф.* 2012: Автобиография / Пер. с нем. А.И. Рубана; комм. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. IV. СПб., 46–197.
19. *Каган Ю.М.* 1987: И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М.
20. *Корш Ф.Е.* 1898–1899: Разбор вопроса о подлинности окончания Русалки А.С. Пушкина по записи Д.П. Зуева. I–II // ИОРЯС. 1898. 3, 3, 633–785; 1899. 4, 1–2 (отд. изд.: СПб.).
21. *Корш Ф.Е.* 1903: Опыты окончания «Русалки» // Пушкин и его современники. СПб. 1, 3, 1–22.
22. *Левченко В.В.* 2011: Деятельность научных династий историков Одессы в 1920–1940-х гг. // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 13. Брянск, 192–210.
23. *Малеин А.И.* 1912: Карл Карлович Гёрц (1820–1883). Биографический очерк с портретом и двумя приложениями. СПб.
24. *Немченко І.В.* 2005: Варнеке Борис Васильович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. В 4-х т. Вид. 2, доп. Одеса, 2: А–І, 208–210.
25. *Никитюк Е.В.* 2005: Историк античной культуры Б.В. Варнеке // VII Жебелёвские чтения. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения акад. В.В. Латышева. СПб., 120–121.

⁵⁴ Речь идет о 1894 году.

26. Писатели... 1992: Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. 2-е изд. (репринт. изд. 1928 г.). М.
27. Пушкин А.С. 1964: Полн. собр. соч. В 10 тт. М.
28. Рейтблат А.И. 2009: А.Р. Кугель и его журнал «Театр и искусство» в воспоминаниях Б.В. Варнеке // Театральная периодика в России. Доклады, публикации, материалы круглого стола. М., 256–262.
29. РПБС – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Москва, 1989 –
30. Скифский роман 1997: Скифский роман / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М.
31. Снегина Т.Б. 2008: Историк русского театра Б.В. Варнеке: страницы биографии // УЗКазУ. Сер. Гуманит. науки. Казань, 150, 6, 27–32.
32. Тункина И.В. 1996: Новые материалы к биографии проф. Б.В. Варнеке // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 12–14 марта 1996 г. Одесса, 109–110.
33. Тункина И.В. 1997: М.И. Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М., 84–123.
34. Тункина И.В. 1998: Борис Васильевич Варнеке. Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. научн. ст. К 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / И.Я. Фроянов (ред.). СПб., 441–452.
35. Тункина И.В. 2011: Б.В. Варнеке и его воспоминания об ученых // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. 1 / М.Д. Бухарин (ред.). М., 435–466.
36. Тункина И.В. 2013: Одесский период биографии И.М. Тронского (1897–1923) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. Из истории античности и нового времени. Сб. ст. к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / А.Х. Даудов (ред.). СПб., 555–571.
37. Тункина И.В., Избаиш-Гоцкан Т.О. 2009: Варнеке Борис Васильевич 1874–1944 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Т. 1 (початок XIX – середина XX ст.). Одеса, 87–88.
38. Фихман И.Ф. 1995: Г.Ф. Церетели в петербургских архивах: Портрет ученого // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / И.П. Медведев (ред.). СПб., 226–258.
39. Фролов Э.Д. 1999 (2006): Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006.
40. Цветаев И.В. 1892: Н.М. Благовещенский. По поводу 50-летия его ученой деятельности // ФО. 2. 1, 94–100.
41. Цветаев И.В. 1894: Устройство музея античного искусства при Имп. Московском университете. (Речь, произнесенная на Первом съезде русских художников и любителей художеств в Москве 24 апреля 1894 г.) // Русское обозрение. 5, 405–416.
42. Цветаев И.В. 1895: Скульптура города Танагры // Артист. 1, 116–125.
43. Шварц А.Н. 1891: Описание глиняной вазы, найденной в Парутинской гробнице // Московские ведомости. 354.
44. Шварц А.Н. 1894: По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в с. Парутине // Тр. МАО. 15. 2, 14–27 (Отчет заседания Имп. Московского археологического общества 20 декабря 1891 г. <...>).
45. Eckstein F.A. 2005: Nomenclator Philologorum (1871) / Vollständiger, korrigierter Text, bearbeitet von Johannes Saltzwedel. Hamburg.
46. Ellendt F.T. 1855: Lateinische Grammatik für die unteren Klassen der Gymnasien: Nach der Anlage der Billrothschen Grammatik bearbeitet. Vierte verbesserte Auflage besorgt von Moritz Seyffert. B.
47. Ellendt F.T. 1878: Friedrich Ellendt's Lateinische Grammatik / Bearb. von Moritz Seyffert. B.
48. Gavrillov A.K. 1999: Die klassische Philologie in Sankt-Petersburg // Das Altertum. 45, 155–168.

(Продолжение следует)